

18+

НАРКОМАННОМ

Внутри безумия

МАРГО САДКОВСКАЯ

Марго Садковская
БЫТЬ наркоманом.
Внутри безумия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55731489
ISBN 9785449896391*

Аннотация

«...Мне захотелось рассказать маме, что я натворил и свидетелем чего я стал. Сказать, что я больше не могу и не хочу так жить, что я прошел точку невозврата. И сказать, что я сожалею...»Когда тебе «везет» появиться на свет в неблагополучной семье, пережить травлю одного из родителей; когда год за годом обстановка дома лишь накаляется до предела, а твои страдания никто не замечает, остается только одно желание – уйти в тоннель наркотического безумия. Данная книга является первой в серии. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предупреждение автора	5
Посвящается:	6
ЧАСТЬ 1	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	33
ГЛАВА 4	46
ГЛАВА 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Быть наркоманом. Внутри безумия

Марго Садковская

© Марго Садковская, 2020

ISBN 978-5-4498-9639-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение автора

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует аморальный образ жизни и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет.

Книга содержит образительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет.

Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи и борьбы с зависимостью!

Посвящается:

моим любимым друзьям и родственникам, которые верили в меня и оказывали мне неоценимую поддержку. Без вас эта книга никогда бы не увидела свет!

Посвящается всем матерям, отцам, женам, мужьям, чьи близкие оказались в плену наркотической зависимости.

А также посвящается тем, кто продолжает бороться с этой болезнью, тем, кто все ещё идет у нее на поводу и страдает и тем, кого уже больше не вернуть.

– Марго

ЧАСТЬ 1

*Спасите наши души
Мы бредим от удушья.
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше...
И ужас режет души
Напополам...*

В. Высоцкий

ГЛАВА 1

– Женя, вставай. Ну, вставай давай, я же на работу опоздаю!

На самом деле, я уже давно не сплю. Меня разбудила мамина возня, ее быстрые шаги туда-сюда, свет, ярко вспыхнувший и озаривший всю комнату целиком, когда она щелкнула выключателем, чтобы найти свои вещи. Этот чертов свет проникает всюду, даже под одеяло, наброшенное сверху на мою кроватку с высокими стенками – своего рода крышу. Я всегда прошу маму накрывать мою кроватку одеялом, когда я ложусь спать. Так она превращается в мое личное убежище, где я могу лежать и мечтать о чем угодно, не боясь, что кто-то внезапно вторгнется в мои мысли.

Я не шевелюсь. И тогда мама быстрыми шагами приближается к кроватке и срывает «крышу». Я отворачиваюсь к стене и начинаю хныкать. Я ненавижу раннее утро. Я ненавижу эту промозглую серость за окном, ненавижу вставать и одеваться, когда мне этого не хочется. Просто люто ненавижу тащиться по утрам в детский сад. И по этой причине ненавижу, когда отца нет дома и мама вынуждена собирать меня перед своей работой в садик, потому что уж отец частенько куда-то меня не ведет и разрешает мне делать все, что вздумается. А сам спит целый день. Просыпается только, когда я подхожу к нему и говорю, что хочу есть. Тогда он встает, разогревает мне еду, и, пока я ем, смотрит телевизор.

И не то, чтобы меня обижали в садике. Вовсе нет, более того, мне там даже бывает весело – друзей хватает, у воспитательницы я хожу в любимчиках, чем активно пользуюсь: я частенько прошу, чтобы она потаскала меня на руках.

Просто... Ну не хочу я сегодня в садик, ну вот вообще не хочу! Я спать хочу, а еще слушать музыку на папином проигрывателе, перебирать его пластинки, правда, он всегда меня лупит, если видит, что я к ним прикасаюсь. Рисовать хочу – как раз мне купили много замечательных ярких фломастеров, со всеми цветами радуги. Тут тебе даже серебристый и золотой цвет есть.

Но нет. Меня, несмотря на хныканье, постепенно перерастающее в рев, мама предательски выдергивает из теплой постели, усаживает за детский столик – хотя это совсем не сто-

лик, это просто табуретка для взрослых, на которой стоит тарелка супа, а сам я сижу перед ней на низком стульчике. Я беру ложку, начинаю вяло ковырять суп. Мама тем временем одевается. У меня хорошая мама, но конкретно сейчас я не могу не буравить ее злым взглядом. Я просто в ярости от того, что она заставляет меня есть и собираться в сад.

Съев пару ложек супа, я протестующе отодвигаю от себя тарелку. Маме это не нравится, но у нее времени в обрез, поэтому она молча относит суп на кухню, потом натягивает на меня одежду, ботинки и мы с ней покидаем нашу тесную, маленькую – со всего одной комнатой, – но такую уютную, квартиру.

Погода, как и ожидалось, стоит мерзкая. Я прячу лицо в шарф и не прекращаю канючить о том, что хочу домой. Мама периодически меня встряхивает, чтобы я замолчал. Она лишь вот так вот трясет меня за руку или за плечи, если злится, еще смотрит гневно. Но никогда не бьет.

В саду с меня снимают верхнюю одежду, обувь. Я надеваю чистые тапочки и меня ведут в игровую. Там нас встречает воспитательница. Моя мама перебрасывается с ней парой фраз, уходит, а я, позабыв о том, что еще час назад проклинал все и хотел остаться дома, иду играть с ребятами. Настроение у меня приподнимается.

Оно приподнимается еще больше, когда нам дают различные задания. И с теми, что касаются творчества, к примеру, нарисуй из нескольких овалов зайчика, из пары треугольни-

ков – елочку, над ними – тучку, я справляюсь на отлично. Меня хвалят, я горделиво вскидываю подбородок и уже мечтаю, как стану успешным художником, заработаю кучу денег и буду жить в огромном доме, не таком тесном, как наша квартира.

А потом нам дают задания на логику. И тут я прокальваюсь по всем фронтам. Все, что касается логических упражнений и математики, вводит меня в ступор. Одно из заданий выглядит следующим образом: помоги гусенице добраться до ее домика, расположенного в центре разделенного на квадраты поля. Причем квадраты эти непростые. Они являют собой лабиринт или что-то в этом роде. И существует определенный порядок, согласно которому эта тупая гусеница должна добраться до своего домика.

Я этот порядок вообще в упор не вижу, поэтому сижу и чуть не плачу над задачкой, в то время как ее уже давно решили остальные дети. Но воспитательница успокаивает меня. Она говорит: «Это не беда, что тебе не дается математика. Ты ведь так замечательно рисуешь. У тебя лучший рисунок в группе!»

Это меня успокаивает. Правда, совсем немного, потому что мне хочется быть лучшим из лучших. Я просто ОБЯЗАН быть лучшим. Почему? Наверное, потому что мне очень не нравится выглядеть дураком, который не может довести гусеницу до ее глупого дома!

После занятий мы идем гулять по территории. Но мне это всегда кажется скучным, так что мы с моим лучшим другом – толстым Димоном – устремляемся к забору, пока воспитательница не видит. Там есть дыра, которую все пытались заделать, но как-то не получилось, поэтому ее просто прикрыли дощечками. Естественно, нам, тем более здоровяку Димону, ничего не стоит убрать эту хлипкую преграду и проскользнуть на улицу.

У нас вообще небольшой город с такими узенькими улочками, что мне всегда становится страшно, когда я вижу, как вдоль них несутся в нескончаемом потоке машины. И ведь не тесно им!

По бокам дорог высятся здания, многие из них очень старые – так рассказывала мне мама. Это правда, ведь они сильно отличаются от всех остальных домов: узорчатые фасады, длинные окна, потемневшие от времени стены, которые периодически красят.

Еще у нас неровная, вся бугристая, словно ей шишки набили, местность. Частенько приходится то подниматься, то спускаться с очередного холма. Зимой это не доставляет никаких неудобств, совсем наоборот – можно сколько угодно кататься вниз на санках или лыжах. Но вот весной, когда снег тает, ты просто по колено увязаешь в грязи и еле тащишься с очередного холма.

Впрочем, не везде так. Улица, где я живу, вполне себе ровная. Она вообще очень похожа на деревню: куда ни глянь, всюду одноэтажные низкие домики, их разделяет грунтовая проселочная дорога. Зимой дорога раскисает, но, несмотря на это обстоятельство, сама улица всегда выглядит очень чистой.

А вот место, где располагается мой садик, кажется мне очень грязным, с выщербленным асфальтом, серыми домами, серым небом, серыми собаками и кошками, серыми людьми. По правую руку от нас находится школа, по левую – путь в неизвестность.

Мы с Димоном по привычке бежим к школе поглазеть на ребят постарше. Нам они кажутся чуть ли не настоящими богами, которые почему-то позорно попрятались в закоулке у школы. Эти боги важно курят сигареты и о чем-то беседуют, весело смеясь. Я смотрю на них и мечтаю поскорее стать таким же.

Если мы слишком долго глазеем, школьники замечают это и начинают гонять нас. Тогда мы, визжа, убегаем обратно в садик под аккомпанемент их веселого смеха, который в такие моменты звучит ужасно обидно. Но, как правило, школьникам все равно, они не обращают на нас никакого внимания, и мы можем смело продолжать смотреть на них, наблюдать за ними. Вообразить, что тоже когда-нибудь вырастем. Потом выпрашивать у родителей конфету чупа-чупс и использовать палочки от нее как сигареты, делая вид, что то-

же курим. Если подобные наши шалости замечают взрослые, нам непременно прилетает.

Мой друг Димон для своих четырех лет очень здоровый и широкий. Напоминает грузовик. Я же, в отличие от него, худой, длинный, похожий на палку. На физкультуре я в строю первый, но какое это имеет значение, если у меня кожа и кости? Мне так хочется быть огромным! Как мой папа или еще больше.

Кстати, сегодня из садика меня забирает папа. Я стою у калитки и вижу, как он выходит из такси, вместе с ним – его друзья. Они идут к нам с воспитательницей как-то неровно, спотыкаясь на каждом шагу, но мне они кажутся крутыми! У них очень классные кожаные куртки, они, как и ребята из школы, курят сигареты, причем делают это не таясь. Еще они важно разговаривают.

Вот и сейчас мой отец что-то говорит воспитательнице своим вальяжным тоном. Она отступает назад и морщится, как если бы почувствовала неприятный запах. Да, от моего папы часто чем-то пахнет. Мама называет это «перегар» и не может смотреть, когда я лезу к отцу обниматься, ведь от него всегда «несет перегаром». Но этот запах не вызывает у меня негативных ассоциаций. Запах как запах.

Наконец, папа берет меня на руки, и мы с ним идем вдво-

ем. Его друзья шагают где-то сзади. Дорога от садика до дома всегда кажется длинной, но на такси она магическим образом укорачивается. И вот мы спустя десять минут уже поднимаемся по подъездной лестнице в нашу квартиру. Открываем дверь. Нас встречает мама. Сначала она улыбается при виде меня, но, замечая папиных друзей, раздражается бранью:

– Опять привел эти наркотов?!

– Аня, ну чего ты начинаешь? Сейчас посидим все вместе, ужин приготовим, я тебе вот, сапоги купил.

– К черту твои сапоги! Я не желаю видеть твоих полоумных дружков, не желаю слышать, как вы напиваетесь на кухне, не желаю потом смотреть на твою спину, когда ты уходишь с ними неизвестно куда и потом неделю не возвращаешься! Мне это до смерти надоело! Черт побери, ты сына своего видишь раз в пятилетку! Променил семью на хрен знает что!

Мама очень злится. Она машет лопаткой, которой до этого помешивала в сковородке еду. Отец какое-то время молча слушает ее, а потом тоже взрывается. И вот таких взрывов я всегда до смерти боюсь:

– Заткни пасть, овца тупая! На*уй пошла, бл*дь! Зае*ала скулить! Как ни приду домой, ты вечно ноешь, все тебе не нравится!

Друзья отца жмутся где-то на лестничной клетке, а я жмусь к стене, зная, что будет дальше. Отец наступает на маму. Они оказываются на кухне. Там он хватает табуретку

и швыряет ее куда-то в стену. Раздается оглушительный грохот, прямо как тогда, когда я отказался есть, и папа, не сумев меня уговорить, просто выбил из-под меня мой стульчик, ударил по табуретке, на которой стояла тарелка с едой. Я со стульчиком отлетел в один конец комнаты, еда – в другой. Это был рис. И я до сих пор помню, как мириады крошечных рисовых зерен рассыпались по полу.

Папа кричит что-то еще, говорит непонятные слова вроде «наезжаешь на братву, затрахала». А потом я вижу, как он хватается за кухонный нож и швыряет его в мою маму. Мне становится страшно. Все внутри холодеет от одной только мысли, что сейчас моя мама может серьезно пораниться.

Перебарывая ужас, я бросаюсь на отца в надежде отобрать у него табуретку, которой он замахивается. Мама бросается на меня, намереваясь уберечь от неосторожного удара. Стоит крик, шум, через какое-то время подключаются и друзья папы, «братва», как он их называет.

А еще спустя время все, наконец, стихает. Отец, хлопая дверью, уходит, прихватив с собой своих друзей, а мы с мамой остаемся одни. Впрочем, я знаю, что это ненадолго. Слушая мамины рыдания, чувствуя ее руки на своем теле, я думаю о том, что, когда настанет раннее утро, отец вернется. Он снова будет кричать на маму, говорить в ее адрес обидные слова. Снова попытается поколотить меня – он всегда так делает, если очень зол. И мы с ней, наспех одетые, снова вдвоем выскочим на лестницу, потом на улицу и будем на-

резать круги вокруг дома, ожидая, когда отец заснет, и мы сможем вернуться в квартиру.

Так и происходит...

Пять утра.

На моем отце зеленые шорты с дыркой от сигареты у правого кармана. Он стоит босиком на ледяном цементном полу лестничной площадки, дверь квартиры распахнута почти настежь. Он кричит на маму, обзывает ее «овцой» и еще какими-то ругательствами, которые я не могу понять. А меня называет «мамкиным выблядком», «подлизой» и «подп*здышем». Я и значения этих слов не знаю, но уверен, что ничего хорошего их смысл не несет. От папы разит перегаром, чего я уже не чувствую, практически кубарем скатываясь по лестнице вместе с мамой – так сильно мы стремимся поскорее покинуть подъезд.

А на улице нас поджидает промозглый холод. Я все тру сонные глаза, мечтая о нагретой постели, которую пришлось оставить. Я не перевариваю вот такие вот прогулки. Но и деваться нам с мамой некуда: когда папа разгневан, лучшее, что мы можем сделать, это на какое-то время сбежать из дома.

ГЛАВА 2

Когда наступает последний день в детском садике и нас всех наряжают в костюмы ковбоев, пиратов, супергероев, а девочек – в костюмы принцесс, мне совсем не весело.

Мои родители развелись. Это значит, что теперь мы с мамой будем жить у ее родителей. Без папы. Папа останется в нашей старой квартире. Один.

Каждого ребенка рассаживают по одному и начинают фотографировать, эти фотографии потом раздают родителям. Меня тоже фотографируют, и, пока щелкает фотоаппарат, я все думаю о том, как же теперь папа будет жить без нас. Ему же очень скоро станет грустно и скучно. Да, папа часто бывает вспыльчивым, ругается со мной и с мамой и может сделать больно. Но иногда он бывает и хорошим. Как в тот день, когда у меня высохли и перестали писать фломастеры.

Было уже очень поздно. Мама с папой легли в постель, я же остался на полу с раскраской и своими выдавшими виды фломастерами. И тут как назло те цвета, которые были нужнее всего, совсем засохли. Я выругался и без особого толка налег на них. Никакого результата. Только мерзкий, бесполезный скрип от соприкосновения наконечников фломастеров с бумагой.

Тогда папа спросил меня, в чем было дело. Я объяснил. Он на минуточку призадумался. Потом встал с кровати и напра-

вился к серванту. Оттуда достал маленькую бутылку спирта, обложил пол ненужными, старыми газетами, сел рядом со мной и сгреб в охапку фломастеры. Он принялся заливать в них спирт, склонившись над газетами, которые, как я понял позже, постелил, чтобы не испачкать пол.

И пока он заправлял мои фломастеры, мы впервые за очень долгое время весело и интересно пообщались. Поначалу мама ворчала из-за того, что, мол, мы всю квартиру завоняли спиртом. Но потом оттаяла и даже присоединилась к нам. Села рядышком по-турецки и стала наблюдать за отцом.

И вот неужели нашей семье так требовался этот развод?

Наконец, фотографии готовы. Мама с воспитательницей очень увлеченно их разглядывают. Они говорят, что я хорошо получился и что меня любит камера. Но на это мне, по правде говоря, все равно. Я грущу по отцу. На мой выпускной он не пришел. Да и вообще куда-то запропастился. Скорее всего, разобиделся на нас с мамой...

Я гоню мысли о нем прочь. Это мой первый выпускной и я должен веселиться, верно? Тем более что мне уже шесть лет и скоро я, как настоящий взрослый парень, буду учиться в школе!

Ну и что я там восторженно верещал про школу?

Та, что досталась мне, выглядела до ужаса отвратительно. Во-первых, она была вся обшарпанная внутри и снаружи. Во-вторых, она оказалась гимназией с музыкальным уклоном. Да, я добровольно дал свое согласие на обучение в такой школе, потому что с детства обожал музыку, все отцовские пластинки до дыр заслушал, пока он не видел. Я был воспитан хард-роком, блюзом и рок-н-роллом семидесятых годов, еще балладами. И мне нравилась сама идея начать познавать азы музыкального искусства, чтобы в будущем стать рок-музыкантом, одним из этих умопомрачительно крутых ребят на сцене.

Но откуда же я мог знать, что учиться на музыканта будет так скучно?! Помимо стандартных уроков вроде чтения, математики, русского и английского языка у нас потом шли еще три, целых три (!) урока музыки. Сольфеджио, хор, практические занятия с инструментом – я выбрал фортепьяно, потому что... Ну, не знаю. Фортепьяно показался мне прикольной штукой, хотя вообще-то я бы с большим удовольствием выбрал гитару.

В общем, ужас!

Сольфеджио я принципиально не посещал – мне совсем не была интересна нотная грамота. Я был уверен, что мог отлично справиться и без нее.

На хоре делал вид, что пел, просто открывая рот.

Правда, недолго я так филонил – один раз меня поймали. Учительница хора жестом приказала всем замолчать.

Всем, кроме меня. А я и не сообразил, что это была уловка – так и продолжал, как рыба, безмолвно открывать рот.

Ох, и задали же мне потом!

И только практика у меня как-то сразу задалась. Мы с фортепяно быстро нашли общий язык. Мои пальцы были длинными и податливыми от природы, и благодаря этой своей особенности я часто доставал до тех нот, которые были недоступны многим шестилетним малышам.

Несмотря на все мои шалости, по музыке у меня теснились высокие оценки. Я просто схватывал все на лету. Ну и был не обделен природным обаянием. Обмануть преподавателей было для меня легким делом. А прогулять школу, выдумав какую-нибудь историю, и вовсе было пустяком.

Так однажды я наплел, что меня за ногу укусила собака. Я нашел острую ветку и расковырял лодыжку до кровавых ран. Замотал ее бинтом, позволив каплям крови просочиться наружу, чтобы правдоподобнее выглядело. А потом, аккуратно выводя буквы, написал записку в школу якобы от имени своего отца.

Эта ересь и все последующие прокатывали непонятным даже мне образом, и я всегда оставался безнаказанным.

Что касалось друзей, то по непонятной даже для меня причине я выделял самых необычных ребят, в чем-то даже ненормальных. С такими я и начинал водить дружбу.

Учился у нас в школе один мальчик. Стеснительный, тихий, пялился на всех постоянно, но так ни с кем не подру-

жился. Его родители являлись протестантами, и мне это тогда казалось очень интересным, ведь у нас в школе были одни католики.

Короче, я сам к нему подошел, и мы стали дружить. Его звали Славик, он был гением математики, чем я никогда не смог бы хвастнуть.

Славик частенько давал мне списывать домашку по алгебре, а я помогал ему с остальными предметами. Как выяснилось, в музыке он оказался беспросветно туп, но тянулся к ней всеми фибрами души. А мне-то что? Мне его присутствие в музыкалке было только на руку.

Мы образовали полезный друг другу тандем.

Только вот моему приятелю с садика – толстяку Димону, попавшему в один со мной класс, – он сразу не понравился. Он называл Славика скучным и странным.

Но кого это волновало? В нашей маленькой компании я был главарем, и я решал, с кем нам водиться.

Главенствовать я не особенно и стремился. Это получилось само собой после того, как я придумал идею наворовать дома сырых яиц, запрыгнуть на велосипеда и, разъезжая по улицам, швырять яйца в прохожих, машины, окна домов.

А еще у меня у одного был шикарный пластмассовый пистолет с оранжевыми пулями, которые вставлялись в магазин, как настоящие патроны! Этот пистолет подарил мне отец, и я им обычно обстреливал всякую ерунду вроде вися-

щих на веревке вещей. Друзья мне советовали попробовать пострелять в животных. Но я так никогда этого и не сделал. Животных я очень любил. У меня дома жил пушистый кот по имени Кеша. Да, я знал, что Кешами обычно называли птиц, но мне на это было все равно.

Наконец, настал день, когда папа снова возник в моей жизни.

Я этому событию очень обрадовался. Прошел вот уже год с нашей последней встречи. И даже если я злился на него по поводу долгого отсутствия, то сейчас, при виде него, все мои обиды испарились. Я был счастлив снова быть с ним, играть с ним, смотреть на него, пусть он больше не выглядел, как крутой: на смену куртке пришла какая-то дурацкая толстовка, штаны с вытянутыми коленками заменили синие джинсы, а растоптанные кеды – ботинки.

Многим позже, когда я вернулся после прогулки с отцом и рассказал маме о своих наблюдениях, она ответила, что отец «все пропил, даже ту квартиру, где мы когда-то жили». Меня это, конечно, очень расстроило.

Ну а пока я был весел до невозможности.

Я сел с отцом в такси, и мы поехали в город.

Мы забрели в кафе. Я заказал себе просто кучу пирожных – папа ведь разрешил.

Уплетая пирожные за обе щеки, я рассматривал отца, от которого снова исходил этот странный запах перегара, да и взгляд у него был, как у дохлой рыбины. Он скалил желтые зубы и в целом выглядел каким-то... нездоровым что ли. А мне было все равно на эти мелочи. Я любил его и таким.

За десертом мы много говорили о разной ерунде. Я рассказывал отцу, как шли мои дела в школе, рассказывал про шалости, про нового друга. Отец назвал его «размазней», словом, которое я тоже особенно не понял, и велел держаться подальше. Я пожал плечами и ничего не ответил, потому что точно знал: я слушаюсь отца. Славик мне нравился, он был хорошим малым с незлобивым, неконфликтным характером. Да и к тому же, он был единственным, кто не ленился помогать мне с математикой.

Когда в кафе сидеть надоело, отец завернул те пирожные, что я не доел, в салфетки, и мы вышли на улицу. Мы встали в том месте, где люди ловили такси, и отец стал шарить по карманам в поисках денег. Как оказалось, все его деньги ушли на покупку пирожных. Делать было нечего – мы стали кланчить мелочь у прохожих. Мне было всего семь лет, и я не очень разбирался в чувствах, например, я не мог сказать, что ощущал в тот момент. Но ощущал что-то определенно неприятное.

То же самое чувство вернулось, когда отцу так и не удалось настрелять нужную сумму. И он от злости просто стал швыряться моими пирожными в прохожих, в машины, в зда-

ния.

В итоге домой меня отвезли на автобусе.

Об этом инциденте я, конечно же, не сказал маме. Но он запомнился мне на всю жизнь.

Впрочем, на этом неприятные для меня события не закончились. Через три года, когда мне исполнилось десять лет, мой кот Кеша умер. Он забрался на шкаф и неудачно упал, выкрутив заднюю лапу. Та начала с каждым днем все стремительнее гнить и распухать. До сих пор помню, как она выглядела: ненормально большая, гнилого синюшного цвета конечность с растопыренными пальцами.

Мама отвезла кота в ветеринарку, где его усыпили.

Так я не страдал еще ни разу в моей жизни.

Ко мне домой в тот день как раз пришел Славик. Обняв меня одной рукой за плечо, он молча слушал мои стенания. Если бы я не был убит горем, я бы обязательно поблагодарил его за то, что он просто вот так жалел меня, ни о чем не спрашивая.

Кот оказался первой потерей в моей жизни.

Прошла пара дней с момента смерти Кеша, и я снова встретился с отцом. Я был не весел, и мне хотелось, чтобы он это заметил и тоже пожалел меня. Да, вот такой я был слюнтяй.

Но отец пришел не столько ко мне, сколько мириться с моей мамой. У него в руках был увесистый пакет с подарками для нас обоих. Когда я спросил, что в пакете, он обнял меня и сказал, что если я позову маму, он обязательно расскажет и все-все подарки отдаст мне.

Ну как я мог отказать? Естественно я пошел за мамой, сказал ей, что отец хочет о чем-то с ней поговорить. Та погнала меня назад передать, что не желает с ним разговаривать.

Я все бегал туда-сюда от отца к матери и наоборот, пока мне это до смерти не надоело. Тогда я сказал, чтобы они оба прекратили валять дурака, и что я устал от идиотской беготни. Так и выразился!

Мама, наконец, вышла к калитке и стала разговаривать с отцом через нее. Она была недовольна, гнала отца прочь, говорила, что больше не вернется к нему и что он алкаш.

Отец на последнее заявление очень оскорбился. Высоко взмахнув пакетом, он шваркнул его о наш почтовый ящик, крича, какие мы с мамой «суки неблагодарные, твари» и что моя мама «шалава» и «шлюха». В пакете были флаконы с духами, сладости, соки в коробках. И все это смешалось в одну сплошную жижу, окатив и почтовый ящик, и калитку, и переднюю часть забора.

Отец велел забыть его навсегда. Сказал, что больше мы его не увидим, раз мы такие «неблагодарные». Он ушел, сильно качаясь из стороны в сторону, а я стоял и дрожал, как

на морозе. Странное дело, на улице в тот день было жарко, но меня трясло, и дрожь эта исходила будто бы из глубин моего тела.

Последний инцидент с отцом сильно напугал меня, и я стал дерганым.

В целом меня тянуло к людям, у меня были прекрасные отношения в семье, у меня были друзья. Но везде и всюду меня вдруг стал преследовать непонятный напряг. Неожиданно для самого себя я стал ждать возможного удара даже от близких мне людей.

И я не знал, как избавиться от этих неприятных чувств – пока ты ребенок, ты мало что понимаешь. Даже толком не осознаешь, что с тобой происходит.

Я все варился и варился в собственном соку.

А потом настал день, когда я попробовал алкоголь.

Получилось это совершенно случайно.

У мамы был день рождения, она пригласила кучу своих подруг и устроила застолье. Я сразу умчался к друзьям на улицу – сидеть со взрослыми женщинами и слушать их непонятные разговоры мне было неинтересно.

Наконец, вечер подошел к концу, и мамины подруги разъехались, она начала убирать со стола. А я как раз заскочил на минутку домой. Я порядком набегался и умирал от жаж-

ды. Поэтому прибежал весь раскрасневшийся, запыхавшийся. Хватанул со стола первый попавшийся стакан, в котором, как мне показалось, плескался желтый лимонад. Опрокинул его в себя. И только когда вслед за его содержимым по моему пищеводу поползло странное тепло, я понял, что выпил целый стакан маминого вина.

Очень скоро я ощутил на себе все прелести его действия – тугую пружину во мне, с которой я жил в последнее время, отпустило, я почувствовал невероятную легкость в теле и в сознании.

Я опять поскакал на улицу к друзьям, но вел себя с ними уже иначе. Как-то очень легко вдруг стали находиться темы для разговора, как-то больше и чаще я вдруг стал улыбаться, шутить. И чувствовал я себя намного увереннее, чем когда-либо.

Это невероятно приятное состояние тела и души я впоследствии вспоминал очень часто.

Наверное, поэтому через годик я отважился попробовать кое-что еще.

У меня был родственник старше меня на пять лет, и он приходился мне двоюродным дядей. Он всегда отличался веселым нравом. Он был шустрым, мог, как акробат, сигануть из окна своей квартиры прямо на ветку рядом растущего дерева. Или вдруг, ломая себе кости, начать учиться делать сальто назад. Вот просто так, без причины! Потому что прищичило.

У него была своя компания друзей, но и с такой малышкой, как я, он не брезговал тусоваться. Никогда не смотрел на меня свысока, общался на равных и всегда брал меня с собой гулять, если я напрашивался. Меня эта его непосредственность очень привлекала. Вообще, он был мне как родной брат, я считал его крутым и старался во всем походить на него. Да что там, я был просто без ума от своего двоюродного дяди! Хотя другие члены семьи считали его недалеким или вовсе умственно-отсталым.

Ай, что они вообще понимали в крутизне?

Какое-то время мой двоюродный дядя со своими друзьями увлекался мотоциклами. Причем не хромированными круизерами или спортивными байками, а всякими развалюхами, которые славились тем, что на них кто-то разбился. И чем большим количеством разбившихся славились развалюха, тем круче она была.

Разве стал бы отсталый коллекционировать подобные жуткие штуки? Конечно же нет!

Хранились эти мотоциклы в большом амбаре.

И в этом амбаре произошло мое первое близкое знакомство с веществом.

Мой родственник и его друзья достали обычные полиэтиленовые пакетики, или кульки, как они выразились, и начались приготовления, от которых совсем скоро в амбаре стало нечем дышать – воздух пропитался липким запахом клея.

Когда все было окончательно готово, родственник и дру-

зья уткнулись лицами в кульки. Мне тоже досталось, и я, не чувствуя ни капли страха – ну чем мог быть опасен обыкновенный клей, которым я в школе делал поделки? – сунул физиономию в свой кулек.

Развезло меня после пары вдохов.

В голове стал нарастать приятный шум, тревожность сменялась легкостью и приподнятостью настроения.

Вскоре реальное окружение стало восприниматься, как иллюзия: предметы изменили свою форму, звуки исказились, стали необычными. Тело ощущалось невесомым, а его части – некоторые увеличенными, некоторые укороченными.

Но все это было полной ерундой по сравнению с галлюцинациями, посетившими меня еще через непродолжительное время. Яркие, подвижные, они проецировались вовне, как на экране, и я даже при большом желании не мог их остановить. Голову наполняли шум, звон, гудение, реальные звуки стали неестественными, необычными, голоса моих друзей звучали, как эхо.

Я будто открыл дверь в другое измерение, намного более объемное и живое, чем то, в котором я находился каждый день. Мои фантазии переплелись с видениями и обрели до того четкую форму, что я уже не мог отличить, где была реальность, а где – порожденный веществом вымысел.

После того, как я пришел в себя и отправился домой, меня страшно мутило, рвало на каждом шагу, болела голова,

а во рту держался гадкий химический привкус. Но в целом я был доволен. Компания клея мне очень понравилась.

Так до двенадцати лет я изредка нюхачил. Попробовал даже побаловаться бензином из дедушкиного гаража. Но бензин меня не взял. Не вызвал особенно сильных ощущений, да и отходил я от него потом долго.

А затем у меня появились более интересные увлечения.

Мне уже исполнилось двенадцать, когда я узнал, что детей далеко не аисты или пчелки приносили.

Знание я это приобрел благодаря просмотру кассет дома у Димона. Особых кассет, засунутых в коробки из-под старых фильмов. Естественно, их от нас прятали, а если мы находили – родители строго-настрого запрещали прикасаться к ним. И мы давали клятвы, что никогда не прикоснемся.

Но как только мы оставались без присмотра, клятвы быстро забывались.

Развивался я достаточно быстро, и с сообразительностью у меня не было проблем. Поэтому, пока мои друзья тупо тарасились в экран, не понимая, что на нем происходило, я сидел и упивался приятным чувством, обуревавшим любого мужчину при просмотре порнографии. В штанах у меня было тесно и жарко, хотелось унять этот жар и в то же время хотелось продолжать наслаждаться им.

Я просто места себе не находил, ерзая в кресле!

А через год я наконец-то отважился познать прелести мастурбации.

Когда это случилось, ничего особенного я не делал. Я был один дома, что являлось большой редкостью для нашего жилища: бабушка уехала на рынок, мама была на работе, дедушка чинил машину в гараже. По телеку шел не особо интересный для меня фильм про Джеймса Бонда и я пытался в него вникнуть, валяясь на диване.

Стал вникать я только тогда, когда в фильме возникла эротическая сцена. Вроде бы ничего особенного в ней не было, в сравнении с той же порнографией, еще и съемки велись с голой спины актрисы. Но по неизвестной причине меня эта сцена здорово завела.

Воображение сорвалось с поводка, и я сразу представил себя на месте Джеймса Бонда. Представил, что бы я делал, если бы оказался в компании голой красотки.

От мечтаний я решился перейти к активным действиям, призвав на помощь собственную руку.

Конечно же, я очень смущался. Стеснялся самого себя, того, что делал – все происходящее казалось мне таким неправильным, грязным, извращенным.

Но в итоге соблазн доставить себе удовольствие оказался сильнее стыда, и я попытался успокоиться – в конце концов, я был один, никто бы меня не застукал.

Я продолжил.

Ух, и какое же я потом испытал блаженство, просто с ума можно было сойти! Так замечательно я еще никогда себя не чувствовал! Надо было давно додуматься до этого. Ведь никакой обычный просмотр порнофильмов не сравнится бы с дрочкой, это я мог гарантировать!

Стоило ли говорить, что до пика я дошел очень быстро? А уж когда дошел – изо всех сил сжал зубы, чтобы не закричать. Меня потрянуло, будто я сидел на электрическом стуле, глаза сами собой широко распахнулись. Внутри отпустило пружину – и волна экстаза накрыла с головой. Хватая ртом воздух, я дрейфовал на этой волне, дрожа всем телом, забыв обо всем.

ГЛАВА 3

Однажды Димон стащил у своего отца сигареты и предложил нам всем попробовать.

Дело было после школы. Нашей стандартной компанией, включая Славика, мы отправились на старый, заброшенный цементный завод – любимое место всех подростков, ну еще бомжей, алкашей и наркоманов.

Занывавшись у полуразрушенной стены «цементухи» – так мы называли этот завод, – мы прикурили сигареты. Я сделал мощную тягу и закашлялся – едкий, вонючий дым зашекотал легкие, ударил в нос, заставляя поморщиться. Но неприятные ощущения меня не остановили. Я ведь хотел стать крутым, значит, я должен был научиться курить, как рок-звезды ну или те парни из моих любимых боевиков. Так что я сделал еще одну затяжку, за ней – еще одну, призывая себя игнорировать вонь и горечь сигаретного дыма.

А еще накануне я как раз начитался Ирвина Уэлша с его романом «На Игле», в котором герои не только курили, но и крепко сидели на веществах. Не шибко презентабельное для подростка чтение, его было трудно достать. Но оно того стоило, вот правда. После его прочтения я мысленно погрузился в мир наркотиков и беспорядочного секса, долго отходил от этой книги. Потом прочитал еще парочку других на эту тему, в основном, довольно дрянных детективчиков

про братву, порошок, воров в законе. Посмотрел «Криминальное Чтиво». И так проникся этой ушедшей эпохой конца двадцатого века: расцветом бандитизма и беспробудного героинового кайфа, сексуальной раскрепощенности, богатства и прочего в том же духе!

Правда, пока я утопал в фантазиях о наркотиках и криминале, моего родственника, однажды уже открывшего мне дверь в мир иллюзорного балдежа, родители все-таки прижучили с клеем. Отдубасили его конкретно, надо сказать, и потом всю дорогу смотрели на него, как на кусок говна. Да еще и мне больше не разрешали с ним общаться.

Я этого совсем не понял. Как и в целом не понимал, почему отношение к наркоманам было таким негативным. Почему их называли отбросами общества, конченными, потерянными людьми? Мне-то ведь после моих книжек казалось, что употребление веществ – прерогатива очень крутых, богатых людей, ну или творческих личностей, гениев... Вон, Джими Моррисон сидел на героине, и выдавал такие классные хиты! Или тот же Траволта из «Криминального Чтива» – очень ведь круто смотрелся в кадре, гоня дурь по вене!

Накурившись, мы с друзьями пошли болтаться вдоль рун цементухи. Встретили ребят постарше. Их было трое, плюс одна девчонка. Мы перезнакомились, поболтали о том, о сем. Ребята оказались приятными, и мы обменялись номерами телефонов.

Наши новые приятели уважали русский рок, у них был

маленький портативный проигрыватель. Они врубили свой музон, и меня под ним неплохо так раскачало.

А еще у них было пиво, которое пошло по рукам сразу же, как только наши задницы нашли свое пристанище на поваленном дереве. И если мои дружки поначалу побоялись при-трагиваться к алкоголю, то я с видом победителя присосался к сиське пенного, сделал пару внушительных таких глотков. Чуть не поперхнулся, ей-богу.

И вот оно – ко мне вернулось то самое состояние легкости, когда-то испытанное мной в детстве! Снова я был свободен от внутреннего напряжения, снова мне было приятно и хорошо!

Пошла болтовня о всяком разном. О дрочке, о сексе, о тупых учителях и долбанной школе. О родителях, смысле жизни.

Я сидел, внимал чужим голосам, курил, и просто радовался. Время от времени переглядывался с единственной девчонкой в нашей компании. Ее, к слову, звали Лиза, и странное дело, она была одного со мной возраста. Хотя и выглядела старше.

И тут вдруг, словно обухом по голове, меня ударила мысль об отце. Каким же ничтожеством он всегда был и каким наивным был я, восхищаясь им! Я до сих пор хорошо помнил нашу последнюю встречу. Помнил то, как он бил меня в детстве, обзывал маменькиным сынком, «в*блядком» и «подп*здышем». Как не пришел на мой выпускной в детском саду и на мою первую линейку в школе.

Мой отец был просто конченным алкашом, моральным уродом. А я считал его каким-то Суперменом, подумать только!

И сейчас я собирался нажраться в точности, как он! Ну что за ирония.

На мгновение я крепко зажмурился. Призвал себя немедленно успокоиться. Сказал себе, что нажираться я не стану, просто попробую, что же это такое – быть пьяным. Попробую в первый и последний раз.

Потом я дал себе клятву, что буду продолжать хорошо учиться, найду офигенную девушку. Я стану великим музыкантом – тем более я уже успел по-настоящему полюбить фортепьяно – запишу кучу своих пластинок. Я буду курить самые дорогие сигареты и больше в жизни к алкоголю не притронусь. Я буду лучшим из лучших! И тогда отцу станет больно от того, что он бросил нас с мамой, но уже ничего нельзя будет вернуть.

«Но хватит тревожных мыслей! – Сказал я себе. – Надо приходить в себя, ведь мне хотелось отдохнуть, а не грузиться проблемами.»

Я от души хлебнул еще пива, чтобы вернуть назад чувство расслабленности и перестать пускать сопли. Сигареты, от которых я раньше кривился, сейчас заходили как по маслу, мне даже начинал нравиться терпкий запах табака. От пива закружилась голова, но это было такое приятное головокружение!

Через короткое время после черт знает какого по счету глотка мне стало дико хорошо. А потом заиграла песня «Рок-н-ролл это я» и я почувствовал прилив энергии, вскочил с поваленного дерева, на котором мы все сидели, раскинул руки и стал пританцовывать. В одной ладони у меня была зажата бутылка, в другой – сигарета. Я отлично себя чувствовал, просто на сто баллов! Жизнь была не так уж и плоха!

– «Я люблю слушать современный рок-н-ролл.

Он снова в моде, он бесспорно хорош!

Но, кажется, мне, он много потеряет без таких ребят.

Ведь мы его дети, рок-н-ролл это я!...» – Горланил я.

Потом пошли более драйвовые темы, и у меня совсем крышу сорвало. Я бесился, прыгал, бегал туда-сюда, хохотал. Мы с друзьями и с нашими новыми приятелями ржали во всю глотку, обливали друг друга пивом. С новой девчонкой я, на потеху всем остальным, даже поцеловался. И ей, и мне это понравилось.

Только Славик сидел тихо, зыряка на всех своими глазенками. Я не без удовольствия плеснул ему в лицо пива. Я рассчитывал, что сейчас он подорвется и попытается мне навалить, развеселится, раскочегарится. Ан нет. Он как сидел истукан истуканом, так и продолжил сидеть, только капли с лица вытер.

А, впрочем, да и пошел он! Не хочет веселиться – не надо!

Вскоре пиво закончилось, и наши старшие друзья отправились за добавкой. Я к тому времени уже на ногах не стоял,

но когда в моих руках оказалась очередная бутылка, разулыбался и стал послушно лакать.

Разумеется, в итоге я нажрался, как свинья.

В один момент я уже не мог даже встать, не то, что отплясывать.

Поднес бутылку к лицу, не с первого раза попав ею в губы, отхлебнул.

И тьма заволокла мое сознание.

Я отрубился. Да так бы и остался лежать жопой на дереве, а башкой – в мусоре, если бы Славик не поднял меня и не потащил домой. За это я был готов простить ему, что он был таким скучным мудаком. За это я был ему по-настоящему благодарен.

Я проснулся в пять утра в своей постели. От дикой боли у меня разламывалась голова. Во рту было гадко, словно там что-то сдохло, и это что-то перед смертью еще и вырвало на себя.

Обхватив голову ладонями, я, двигаясь медленно, как старый дед, встал. Сделал пару осторожных шагов, споткнулся обо что-то. Всмотревшись в темноту, понял, что чуть не наступил на таз, который мама заботливо поставила у моей кровати. Таз был пуст.

«Интересно, если бы я наблевал, мне стало бы легче?» –

Подумал я.

Я слышал, что да. Но проблема была в том, что блевать не хотелось. Это показалось мне странным, ведь того количества пива, что я выжрал вчера, хватило бы, чтобы напоить целый район, я был уверен в этом. Плюс выкурил я, наверное, полпачки сигарет.

«Нет, как ни крути, а проблеваться надо. И тогда точно-точно полегчает.»

Голова звенела, будто вместо нее у меня к шее крепился церковный колокол.

Я дошлепал до туалета. Он у нас был совмещен с ванной, где над раковиной висело зеркало. Первым делом, после того, как зажег свет, я уставился на свое отражение, гадая, так ли дерьмово я выглядел, как себя чувствовал? Оказалось, что даже дерьмовее: обрамленная торчащими в разные стороны волосами, моя рожа была сплошным отеком. Под глазами бугрились мешки. Сами глаза заплыли, их почти не было видно под припухшими веками. Картину довершал алевший на щеке прыщ, ужасно крупный и ужасно болючий. Когда и почему он успел вскочить, я понятия не имел. Мне повезло, и на моей коже почти никогда не было подростковых высыпаний. А тут на тебе.

Я потрогал прыщ. Он был каким-то твердым внутри, словно шарик перекатывался под кожей. И болел.

Да, вот так я напился впервые в своей жизни.

Я постоял, попереминался с ноги на ногу. Почесал тре-

щавшую по швам голову. Меня все еще не тошнило, даже собственный отвратный вид не вызывал желание выплеснуть остатки вчерашнего кутежа.

Мысленно пожав плечами, я решил почистить зубы, отлить и вернуться в постель. Достал зубную щетку, намазал ее пастой. Сунул в рот.

И тут уж меня вывернуло, так вывернуло. Хорошо хоть над унитазом успел наклониться. Из меня извергся целый ниагарский водопад. Нескончаемым потоком, благодаря мышечным сокращениям моего желудка, он покидал мое тело, окрашенный в желто-коричневый цвет пива. Причем у меня был занят не только рот: из носа наружу рвались сопли, из глаз текли слезы.

Когда я закончил и осмотрел результаты своей рвотной деятельности, весь унитаз был заблеван. Я и предположить не мог, что во мне действительно уместилось столько алкоголя. Смыв унитаз и напоследок пройдясь по нему ершиком, я вернулся к раковине, высморкался и тут же снова меня чуть не стошнило – часть рвоты просочилась из меня наружу даже через сопли. Это было мерзко.

Я умылся, почистил зубы. Пописал. Вернулся в постель и заставил себя еще немного поспать.

В часов десять утра ко мне в комнату зарвалась мама с лекцией о том, каким я был плохим сыном, как я мог вообще налакаться, мне ведь было только тринадцать, какое я для нее разочарование и как я похож на своего отца. Эти слова

ранили меня не на шутку. Поэтому между нами разразился неплохой скандал.

Я прыгнул в шмотки и, даже не позавтракав, был таков. Шел неизвестно куда, объятый гневом. И вроде бы частью своего сознания понимал, что был неправ, но ничего не мог поделать с эмоциями, как, собственно, всегда – эмоции и чувства я с детства разучился контролировать и с тех пор всегда в них терялся.

Я зарвался к Димону, который тоже недавно проснулся. У него была прекрасная семья. Хоть его родители целыми днями пропадали на работах, а потом в гараже, дом Димона всегда оставался упакованным уютным местечком, где пахло вкусной едой. Вот и сейчас запах выпечки нежно касался моего обоняния. Только с бодуна он был не особенно привлекательным.

– Че как? – Поздоровался я с другом.

Тот валялся в гостиной с мокрой тряпкой на лбу, лицо хранило печать страдания.

– Да чет плохо, братан, – отозвался он. – Переборщили вчера с пивом, пожалуй.

Он не без труда обвел меня взглядом.

– Странно. Ты вчера выжрал больше меня, а уже на ногах. Выглядишь огурцом. Я-то встать пока даже не пытаюсь. Кстати, а ты че так рано приперся-то?

Я прошел вперед и плюхнулся в кресло.

– Да так... С матерью поругался. Прицепилась ко мне

за вчерашнюю нашу гулянку, забузила, что я напился. Мне это влом было слушать, так что я ломанулся на улицу. А там, думаю, дай к тебе загляну.

Я сел, опершись локтями о колени, и сказал:

– Слушай, Димон. Что скажешь насчет повторения банкета? Можем нашим новым друзьям позвонить, они бы пригласили пивка.

– Чего? – Опешил Димон. – Прикальываешься? Да я больше в жизни пить не буду. Больше вообще на алкоголь не взгляну. Ты не представляешь, как мне адски фигово сейчас.

– Ладно, – ответил я. – Туши, я ж не заставляю тебя. Я так просто предложил.

– А, о'кей. Тогда ладно.

Он покосился на меня.

– И ты смотри, не вздумай. Собирать себя потом по частям будешь. Ну или отравишься нахер.

Димон со стоном откинулся на подушку.

– Как там Славик? Он тебя вчера на плечах домой допер, – перевел он тему.

Потом хохотнул.

– Никого к тебе не подпускал. Твердил постоянно «отвалите от Жени» и «я сам справлюсь». Хорошо, что ты его с нами прихватил – он пригодился.

Я сказал:

– Я ему не звонил, так что не знаю, че там с ним. Но по-

звонить наверное надо будет.

Мне вдруг стало очень скучно с Димоном. Он был неплохим парнем, вполне себе веселым и прикольным. Но сейчас показался мне довольно ссыкливым. Я ощутил в нем отсутствие авантюризма. Ощутил, что он был еще ребенком. Со всем зеленым по сравнению со мной.

– Ладно, я пошел, – без лишних предисловий сказал я, вставая с места. Стащил из вазочки на столе два теплых пирожка – это мама Димона постаралась с утра.

– Куда? – Спросил друг. – Я думал, посидим у меня, в приставку поиграем. Взял у чела одного первую «плойку». Хоть она и старая уже, но игрушки на ней ого-го.

– Да?

– А то. Играл в Resident Evil?

– Да, припоминаю что-то такое. Зомби, жуткий особняк в лесу, все дела, – конечно я знал, о чем говорил Димон. Я, как и многие мальчики моего поколения, рос не только на боевиках и тяжелой музыке, но и на ужастиках. Поэтому очень любил лишний раз поиграть во что-нибудь страшненькое. Или почитать. Из книжек мне нравился «Дракула» Брэма Стокера, творчество Стивена Кинга, Людвиг Павельчик с его «Тропами Ада» ну и всякие подростковые писатели вроде Боба Стайна.

– Точняк, – продолжал Димон. – Так вот, я вторую часть раздобыл. Там действие переносится в зараженный город. Очень интересно. Сыграем?

Что ж, звучало заманчиво. Я решил остаться и поиграть до вечера.

Мы еще какое-то время потрещали о ерунде, дожидаясь, когда Димону наконец-то станет легче. После чего сделали себе две большие кружки чая, вооружились пирожками, расчехлили приставку, поставили игру и погрузились в виртуальный выживач.

Опомнился я только часов в восемь. Даже не заметил, как вернулись родители друга, как потом они по телефону перетерли с моей мамой, разыскивавшей меня. Они ей сообщили, что все было нормально, и что я торчал у них в гостях весь день.

Да уж, честно сказать, игра на приставке не только здорово меня затянула, но и развлекла, избавила от плохих мыслей.

Мы с Димоном немного потрепались о том, о сем. Потом меня пригласили на ужин. На столе помимо тарелок с ароматными яствами стояли четыре ноль-пятки пива. Естественно, все они предназначались родителям Димона. Я сидел, ковырял в своей тарелке и смотрел на эти ноль-пятки, вспоминая о том, какое блаженство мне вчера даровало пиво и как я потом за это блаженство расплачивался.

Через час я засобирался домой. Тепло распрощался с родителями друга – они мне всегда нравились, они были такие славные, каждый раз предлагали остаться на ночь, если я засиживался, – и пошел домой.

Дома, перекинувшись с бабушкой и дедушкой парой фраз, заперся в своей комнате. С мамой разговаривать как-то не хотелось. Не о чем было.

Раздевшись, я улегся на кровать с книжкой. На этот раз мне в руки попался детектив про сумасшедшего, который похищал женщин. Одной из них он болгаркой отпилил руку и прислал ее родителям несчастной. Жуть жуткая.

В итоге так я с этой книжкой и провалялся почти до часу ночи. А потом лег спать, врубив у себя в комнате верхний свет. Знаю, очень глупо, я ведь был уже взрослым, но после таких вот историй я не мог спать без света. Я вообще ненавидел темноту. В темноте все мои самые ужасные фантазии обретали надо мной власть. Мое воображение всегда срывалось с цепи, подсовывало мне различные мерзкие образы, увиденные в фильме или прочитанные в книге. И главным героем таких образов всегда выступал я. Как сейчас, к примеру. Я легко представил, как мне болгаркой отрезают руку, запаковывают ее в пластиковый пакет и отправляют моей матери.

Обозвав себя распоследним идиотом, я зажмурил глаза. Каким же я был дураком, раз начитался ужастиков перед сном!

ГЛАВА 4

Когда мне стукнуло четырнадцать, у мамы появился ухажер, с которым она в один прекрасный день заявила домой.

Она накрыла неплохой стол по этому случаю.

Что до ухажера, то он мне по неизвестной причине сразу не понравился. Дело было не в детской ревности, мол, теперь мне придется делить маму с чужим дядей. А просто... не знаю. Он был отталкивающим. В том числе и внешне. У него были редкие рыжие волосы, нос крючком, маленькие пороссячьи глазки. Тонкие, как нитка, губы. И массивное телосложение.

Звали его Саша.

При своей общей непривлекательности Саша еще и оказался очень хитрым типом. Он умел себя подать, умел поддержать беседу и создать ощущение ложного расположения к собеседнику, на которое, признаться честно, поначалу пошелся и я.

За столом Саша пристал ко мне, спросив, чем я интересуюсь. Мама, не дав ответить, сказала, что я будущий музыкант.

– Я спросил, что ему нравится, чем он увлекается, – уточнил Саша.

Мама махнула рукой.

– Да ничем особенным. Болтается по улицам, в приставку играет с друзьями, книжки читает, причем какие-то дрянные. Еще курить повадился, – она погрозила мне пальцем. – И не стреляй в меня глазами! Я не выдумываю – от твоей одежды постоянно несет сигаретами!

Я почувствовал, как начал закипать. Я терпеть не мог, когда меня пытались выставить никчемным идиотом перед чужими людьми. Я ненавидел, когда родители говорили обо мне таким снисходительным тоном, мол, вон он, наш непутевый болван, ничего ему не надо, курит, шатается, не пойми где. И плевать, что у меня оценки были лучше всех в классе.

В воздухе запахло грозой, и тут-то Саша проявил чудеса своей хитрости. Он сказал:

– Женя живет жизнью нормального мальчишки. А чего ты хотела, чтобы он дома в куклы играл?

Мама закатила глаза.

– Я всего лишь хочу, чтобы из него выросло что-то путное! Вместо того чтобы шляться где-то и курить, он мог бы заниматься чем-нибудь полезным. Иначе вырастет, как его отец.

Я бросил в мать взгляд, полный горечи. Ну за что она так со мной?!

– Ладно, Ань, прекрати, – Саша положил руку на ее ладонь. – В любом случае, я задавал вопрос Жене, а не тебе. Чего ты встреваешь?

Он обратился ко мне:

– Ну что, Женя, поделишься своим хобби?

В горле у меня встал ком, щеки вспыхнули, словно кто-то развел костер в моей голове, и теперь она вся пылала изнутри.

Но каким-то образом я все-таки нашел силы проглотить этот ком и ответить:

– Больше всего на свете я люблю музыку. У нас дома, до развода мамы и папы, стоял проигрыватель и была целая куча пластинок. Вот я их слушал без конца, как ненормальный!

Я поделился с ним своими музыкальными вкусами. Поделился, что скучал по проигрывателю и что теперь мне не на чем было слушать музыку. Потом как-то сам собой разговор пошел дальше, я стал трепаться про любимые книги, фильмы и прочее. Короче, Саша окончательно поймал меня на крючок: я заметил, что он больше не угнетал меня своим присутствием.

Когда ужин был окончен, я помог матери прибраться. Носил пустые тарелки в раковину, нетронутые блюда ставил в холодильник. И естественно все это я делал с выражением глубокой обиды на лице, к чему она не преминула придраться.

– Чего надулся? – Спросила.

Я сверкнул на нее глазами.

– Ты не могла бы впредь не лепить из меня идиота перед чужими людьми?

– О чем ты? – Спросила она.

– Каждый раз, когда приходят твои приятели, ты издеваешься надо мной! Рассказываешь про мои недостатки, а не про достоинства! Между прочим, если ты забыла, у меня в последней четверти была только одна четверка по матеше! Почему ты об этом не вспомнила, когда сидела с Сашей?! Почему ты вечно вспоминаешь о плохом?

– А что я такого сказала? Что ты куришь? Так скажи спасибо, что ты по морде не получил за это! Тебе ведь всего четырнадцать, а уже херней занимаешься! Посмотрите-ка на него, какой он нежный стал, ранимый, слова ему не скажи!

– Давай я начну перед своими друзьями перечислять твои косяки? Вот только гадости про тебя говорить и буду! Тогда посмотрим, как тебе будет приятно и не обидно! – Сорвался я на крик.

Она покачала головой.

– Знаешь, что, Евгений, характерец у тебя тот еще. Ужас, одним словом. Нельзя быть таким обидчивым. И тем более нельзя обижаться на маму! Мама тебя кормит, обстирывает, мама желает дать тебе лучшее образование! А взамен что получает?!

Я грохнул стопкой грязных тарелок о стол, побежал в прихожую. Там схватил куртку, надел ботинки и вылетел из дома, хлопнув дверью.

Ух, я был вне себя от ярости. Казалось, что чем больше я

взрослел, тем больше мы с матерью отдалялись друг от друга. Почему так происходило? И как вообще она могла поступать так со мной: выставять меня клоуном перед своими мужиками?!

Мне нужно было срочно отвлекаться. Я достал телефон из кармана, нашел номер Лизы и позвонил ей. Мы не виделись уже приличное количество времени – я знал, что у нее есть друзья постарше, оттого комплексовал и все никак не решался назначить ей встречу. Но в целом связь мы сохраняли, время от времени обмениваясь сообщениями.

Сегодня мне было не до комплексов, поэтому, когда она сняла трубку, я поздоровался с ней и спросил, не занята ли она была. Лиза обрадовалась моему звонку и сказала, что конкретно сейчас она отвисала с друзьями на цементухе. Велела мне срочно присоединиться к ним.

Я не возражал. Совсем наоборот – достав пива, я вприпрыжку поскакал в указанное место, предвкушая скорую возможность оторваться и забыть о проблемах.

Лизу и ее друзей, оказавшимися теми ребятами, с которыми я, Димон и Славик отдыхали в прошлый раз, я увидел сразу – они жгли костер, и его желтое пламя освещало их лица.

Получив поцелуй от Лизы, я, призвав себя перестать растерянно пялить на нее глаза, перездоровался с ребятами за руку и сел там, где было свободно, поставив пакет с пивными бутылками у ног. Бутылки звякнули, ударившись друг

о друга, и Лиза спросила:

– Блин, ты что, пиво купил?

– Ну да, – еще больше растерялся я. – А что такое?

Она улыбнулась и ответила:

– Зря. Мы с ребятами сегодня решили попробовать кое-что намного более интересное. Ты с нами?

Конечно же я был с ними, и меня совершенно не волновало, что там такое они собирались попробовать.

Впрочем, через пару минут я увидел все сам: Лиза с приятелями вытащили из своих сумок самокрутки, только набиты они были не табаком, а непонятной зеленью.

– Что это? – Спросил я.

– Марихуана, – ответил мне парень, имя которого я не запомнил. Вообще, кроме Лизы, я никого из них особо не помнил.

Каждому из нас досталась такая самокрутка. Лиза показала мне, как ее долбить. Я последовал ее инструкциям, и мои легкие наполнились мерзким дымом. Словно кто-то подпалил грязные, воняющие влагой и потными носками тряпки. Меня слегка замутило, но я продолжил делать все так, как советовала Лиза.

И через пару минут нас всех неплохо вштырило! Накрыла приятная слабость, в голове помутнело. Я вдруг почувствовал прилив радости и любви ко всему миру, мне захотелось расцеловать каждого из людей.

Мои приятели почувствовали то же самое, потому что,

добив свои косяки, они начали травить шутки, и мы весело смеялись с них.

Эта атмосфера порядком расслабила меня, и я признался, что забыл имена тех, с кем вообще сидел. Ребята опять захохотали, а потом, отсмеявшись, представились по новой. Их звали Паха, Серега и Макс, всем было по семнадцать лет, в отличие от Лизы, которой было четырнадцать. Идея пыхнуть принадлежала Пахе, как и сама трава – парень, похоже, был заводилой в этой компании.

Мы продолжили болтать о том, о сем, как вдруг наши с Лизой взгляды пересеклись. Мои отношения с женским полом обещали быть успешными: унаследовав мамину внешность, я рос симпатичным пацаном, и девочки в школе уже начали мной интересоваться. Но я был еще совсем зеленым, поэтому в ухаживаниях мало что понимал.

Вот и сейчас, не придумав ничего лучше, я выкрутил обаяние на максимум, начав играть бровями и стрелять глазами. До Лизы наверняка все дошло, потому что ее мое поведение здорово повеселило. Она засмеялась, и ее смех показался мне россыпью разноцветных, блестящих камушков. Он был приятен и ласкал слух.

А затем она взяла меня за руку и шепотом предложила уйти в другое, более укромное место. Я согласился, прекрасно понимая, что она имела в виду. Если бы я был трезвым, то наверняка бы обделался от волнения. Но поскольку я был под мухой, я позволил ей отвести себя в какие-то корчи.

Пока мы шли, я рассматривал попадавшиеся на пути кусты с кислотно-яркой листвой, покосившиеся вышки цементухи – они едва заметно двигались, и мне в один момент даже стало жутко. Я отвел глаза от вышек и вперся в спину ведущей меня Лизы, предвкушая скорое блаженство.

Наконец, мы присели в месте, напоминавшем маленький коридор без одной стены и без дверей. Присели на мусор, но мне было все равно. Не успела моя жопа коснуться твердого щебня под ней, как я распустил руки, начав лапать Лизу. Судя по реакции, она не возражала.

Когда мне стало мало, я притянул ее к себе и поцеловал. Я просмотрел достаточное количество фильмов для взрослых и в теории знал, как нужно было целоваться. Но, видать, накосячил, раз в один момент она тормознула меня, отстранилась и показала, как было правильно.

Вот это меня потом вставило! Прямо всего тряхнуло от переизбытка ощущений. Лиза же держалась спокойнее. Очевидно, в таких делах она была более искушенной, чем я.

И вскоре я в этом убедился: она пустила в ход ладошки, которые, как оказалось, не шли ни в какое сравнение с моими ладонями.

Конечно же, долго я не продержался.

Сдавленно вскрикнув, я забился в конвульсиях, как выброшенная на берег рыба, понимая, что чуть позже мне обязательно станет стыдно за столь быстрое и позорное завершение. Но не сейчас. Не сейчас.

Мы с Лизой еще какое-то время гладили друг друга и целовали, а потом вернулись к остальным, где прилюдно обменялись номерами. Теперь Лиза официально стала моей девочкой. И я был так горд! Черт возьми, да я же наконец-то стал мужчиной!

Разошлись мы далеко за полночь. Я шел домой уже трезвым, но окрыленным произошедшими событиями. Они казались сном. Были так приятны и так... нереальны. Может, мне все привиделось? Да нет же, губы саднит от интенсивных поцелуев, конечности налиты приятной тяжестью – это тело отходит от сокрушительного оргазма.

Значит, все было взаправду.

Дойдя до дома, я постарался как можно более бесшумно войти и прокрасться к себе в комнату. Не тут-то было. В прихожей меня встретила мать.

– Где шлялся? – Спросила без лишних слов.

Я постарался как можно спокойнее снять обувь, сложить ее ровным рядочком, снять куртку. И только потом сказать, глядя ей в глаза:

– С ребятами гулял.

– Пили?

– Нет.

– А ну-ка дыхни.

Я исполнил ее просьбу. Она поморщилась.

– Ты действительно не пил, но у тебя изо рта несет жженым тряпьем. Немедленно бросай курить. И переставай тас-

каться по ночам. Знаешь, сколько всяких отморозков бродит по улицам? А что, если на тебя какой-нибудь бандит нападет и прирежет?

Мне почему-то стало очень смешно. Я даже решил, что меня еще держит «косяк».

– Я иду спать, – подавив рвущийся наружу смех, сказал я. Пошел в ванную, быстро почистил зубы, умылся. Пошлепал к себе в комнату, где нырнул под одеяло и забылся крепким сном.

ГЛАВА 5

Прошло полгода. Я почти закончил восьмой класс школы, а тем временем Саша переехал к нам жить. На мой вопрос, почему именно к нам, а не к нему, мама пролепетала что-то непонятное про то, что у Саши пока были трудности с жильем, и до переезда в наш дом он жил со своей матерью. Я это никак не прокомментировал, хотя ситуация показалась мне странной: проще было жить в квартире у Саши, чем у нас, где проживали еще и бабушка с дедушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.